

ВЕНГЕРСКИЕ ПОСЛЕЛОГИ И РУССКИЕ ПРЕДЛОГИ: ОДНО И ТО ЖЕ «С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ЗНАКОМ»?

(Статья вторая)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія

Випуск 2 (42)

УДК 811.511.141'367.63+811.161.1'367.63

DOI:10.24144/2663-6840/2019.2(42).22–27.

Виноградов А. Угорські післялоги та російські прийменники: одне і те ж «з протилежним знаком»? (Стаття друга); кількість бібліографічних джерел – 32; мова російська.

Анотація. У статті завершується розпочатий у попередній роботі аналіз питання про співвідносність угорських післялогів та російських прийменників з метою виявлення ступеня їхньої близькості. Автор досліджує мовно-функціональний статус обох цих категорій релятивних слів, зумовлений їх морфолого-синтаксичними властивостями, і констатує таке.

Між угорськими післялогами й російськими прийменниками наявна принципова різниця з точки зору їх ролі як компонентів утворюваних за їх допомогою конструкцій з іменниками: в російських синтаксемах організуюча граматична роль належить іменникові у формі непрямого відмінка, а другорядна – прийменникові, при тому, що прийменник керує відмінковою формою іменника. Питання про подібний розподіл ролей між угорським післялогом та іменником навіть не виникає: угорські післялоги зазвичай не вимагають від іменника певного відмінкового закінчення, і той залишається в абсолютній формі. Синтаксичний зв'язок між ними тому не можна назвати керуванням у повному розумінні. Роль післялога в організації субстантивної синтаксеми є більш значущою, ніж роль прийменника. До того ж угорські післялоги можуть бути базою для утворення нових слів або граматичних форм, чого російські прийменники позбавлені. На думку автора, російський прийменник у зіставленні з угорським післялогом з цих причин постає як менш самостійна функціональна одиниця, а угорські післялоги знаходяться набагато ближче до знаменних частин мови, ніж російські (чи інші слов'янські) прийменники.

Наведені факти є безумовним свідченням відсутності між цими словами-реляторами в обох мовах відношення на зразок «один до одного» і підтверджують кінцевий висновок щодо них, зроблений у попередньому дослідженні (стаття 1): угорські післялоги і російські прийменники являють собою якісно різні функціонально-змістові одиниці, а не одну й ту саму величину, бодай і «з протилежним знаком».

Ключові слова: угорські післялоги, російські прийменники; позиційна, семантична й функціональна співвідносність, функціонально-семантичний паралелізм, когнітивна лінгвістика.

В предыдущей статье на данную тему (см.: Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 1 (41). 2019. С. 47–53) нами было дано обоснование проблемы и анализ соотношения венгерских послелогов и русских предлогов в аспекте позиции и семантики. Рассмотрим теперь лексический статус предлогов и послелогов, вернее, их **функционально-языковой статус** в каждом из языков, обусловленный их морфолого-синтаксическими свойствами.

Начнем со сходной черты, которая касается функционирования обоих этих релятивных слов в рамках целостной синтаксической позиции (чаще всего это обстоятельство) вместе с характеризующими ими существительными. И предлог, и послелог семантически обогащают (расширяют) данное существительное. Ср.: «Сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежной формы» [Виноградов 1972, с. 139]; «предлог не только поддерживает и усиливает значения падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [там же, с. 531].

Сходным образом обстоит дело и с послелогом в венгерском языке. В венгерских послеложно-именных конструкциях препозитивное существительное получает возможность уча-

ствовать в выражении того или иного обстоятельного значения лишь благодаря послелогу. А поскольку послелог, как правило, употребляется при существительных в нулевой (словарной) форме, когда они не имеют материально выраженной флексии, то его можно функционально приравнять к падежным окончаниям существительных с обстоятельными значениями [Csernicskó, Karmacsí, с. 113].

Тем не менее, в статусе и функционировании русских предлогов и венгерских послелогов в рамках образуемых с их помощью релятивно-именных конструкций, несмотря на внешнее сходство, имеется принципиальное различие, которое, может быть, на первый взгляд и не слишком заметно. Однако оно становится явным, если попытаться ответить на вопрос: которому из обоих компонентов, служебному или знаменательному, принадлежит роль грамматического «хозяина» в рамках данной конструкции? В русских предложно-падежных сочетаниях, несомненно, ведущая грамматическая роль принадлежит существительному в той или иной падежной форме, а сопутствующая роль – предлогу. Этот вывод основан на том, что предлог не принимает прямого и непосредственного участия в выражении первичных, основных значений конкретной падежной словоформы – при том, что в случае его использования он, разумеется, *способ-*

стает их выражению, уточняя, расширяя и т.д.¹, как было сказано выше. Иными словами, в русских релятивно-именных конструкциях предлог лишен статуса необходимого грамматического элемента для выражения этих значений².

В венгерском же языке в конструкциях существительных с послелогом роль послелога заметно отличается от роли предлога. Послелог, в принципе, является альтернативным средством выражения синтаксических отношений (падежных значений), помимо прилепов (rag) – но не в том смысле, что одно и то же значение свободно может быть выражено и посредством прилепа, и посредством послелога; или даже, подчиняясь строгой дизъюнкции, либо прилепом, либо послелогом. (Соотношение послелогов и падежных прилепов в венгерском языке вообще представляет собой отдельный и непростой вопрос.) Употребление послелогов при существительных в общем случае не совмещается с использованием последними падежных окончаний. Лишь в редких случаях послелог может взаимодействовать с падежным прилепом в рамках целой конструкции, когда характеризуемое послелогом существительное, согласно грамматической норме, требует того или иного падежного окончания (примеры приводились выше). Так что в отношениях послелога и существительного, которые некоторыми учеными иногда прямо квалифицируются как «отношения обладания, владения» [A névutói kifejezés], существительное воспринимается как расширитель послелога [A névutói kifejezés; Csernicskó 2008, с. 113], а не наоборот; т.е. последний имеет статус «хозяина» в пределах их общего структурного комплекса.

Из сказанного следует, что предлог и, на первый взгляд эквивалентный ему по значению и функции, послелог на самом деле занимают в русском и венгерском языках различное положение и разный статус. Русский предлог в сравнении с венгерским послелогом предстает как менее самостоятельная лексическая единица. Данный вывод подкрепляется, в частности, такой характеристикой предлога у В.В. Виноградова: «Собственное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета» [Виноградов 1972, с. 531]. Приведем еще в этой связи и такое замечание авторитетного лингвиста, что «предлоги могут быть рассматриваемы как агглютинативные префиксы» [там же]; т.е. тем самым В.В. Виноградов дает понять, что возможна интерпретация предлога как языковой единицы с качествами морфемы³.

Служебная, подчиненная роль русских предлогов, таким образом, в их сочетаниях с управляемыми существительными не подлежит сомнению. И тогда логически уместным выглядит вопрос: можно ли квалифицировать сочетания существительных с предлогами как грамматические формы слов (словоформы) – но не только формы предложного падежа, а и других падежей тоже? Очевидно, для такого предположения есть определенные основания, хотя лингвисты пока что

не отказались от традиционной трактовки предлогов, согласно которой таковые «не являются частью морфологической формы слова», хотя и составляют вместе с именем его синтаксическую форму (синтаксему) [Лебедева, с. 281]. В Грамматике-80 также констатируется, что «вместе с падежной формой имени предлог образует синтаксическое единство, так называемую предложно-падежную форму имени» [Русская грамматика 1980, с. 712]. В нашем сознании укоренилась мысль, что как словарно-лексическая единица предлог, так сказать, безусловно «уступает» существительному. Само предположение, что у предлога может быть лексическое значение – пускай и не того ранга, что у существительного, – представляется некорректным.

В.В. Виноградов, говоря о лексическом значении предлогов, отметил, что, в сущности, это значение тождественно их грамматическому значению [Виноградов 1972, с. 34]. Тем самым предлог, относимый ученым к категории связочных слов, противопоставлен знаменательным частям речи, у которых лексическое и грамматическое значения четко разведены. Правда, в недавних исследованиях предлогов, и в частности, в рамках вышеупомянутого межнационального лингвистического проекта, подчас высказывается мнение, что предлог «обладает своим специфическим лексическим значением», которое, впрочем, «может быть ослабленным» [Лебедева, с. 281].

Посмотрим теперь, какими, на фоне русского предлога, выглядят лексическое значение и функции послелога как конституента релятивно-именной конструкции в венгерском языке.

Можно констатировать сразу, что применительно к послелогам вопрос о вспомогательной его роли при выражении синтаксических отношений в составе данной конструкции даже не встает. И это вполне естественно, т.к. ни послелог, ни характеризуемое им существительное не обнаруживают признаков формальной зависимости друг от друга, если только не считать таковыми позицию послелога и наличие у существительного падежного окончания при определенных послелогах. Если же у существительного нет окончания, то постпозитивный послелог является единственным средством выражения у него того или иного значения, чаще всего обстоятельственного, «созвучного» тем падежным значениям, какие выражаются флексиями. Так что в сравнении с предлогом лексический статус послелога как отдельного автономного слова выглядит гораздо более очевидным, весомым, и поэтому, в свете сказанного, его вряд ли возможно даже гипотетически рассматривать в качестве служебного грамматического компонента того же типа, что и русский предлог, в составе единой функциональной единицы – синтаксемы.

Итак, связи и отношения русских предлогов и венгерских послелогов с характеризуемыми ими существительными в рамках коррелятивных релятивно-именных конструкций являются в каждом из языков различными. В организации этих отношений имеют место противоречия, хотя и раз-

личного рода.

Как известно, русские предлоги управляют грамматической формой имени существительного, тем самым *претендуя* на роль главного элемента в целой конструкции – и в то же время семантически приспосабливаются к ведущему падежному значению имени. Синтаксическая связь послелога с характеризуемым им именем недвусмысленно определяется как управление [Поцелуевский 1990, с. 389]. Но венгерские послелоги, как было сказано, обычно не требуют от характеризуемого ими существительного специального падежного окончания, а предоставляют ему оставаться в абсолютной (словарной) форме. В связи с этим синтаксическую связь между ними нельзя назвать управлением в полном смысле слова – хоть в некоторых научных источниках, даже принадлежащих достаточно авторитетным лингвистам, нередко можно встретить утверждения (на наш взгляд, не совсем корректные), что послелоги управляют формой именительного падежа имени [Майтинская 1982, с. 18]. Вопрос о синтаксической связи между послегом и существительным в венгерском языке, по нашему мнению, остается открытым.

Венгерский послелог и русский предлог предстают, на первый взгляд, как функционально близкие единицы, будучи использованы в составе синтаксемы как важный грамматический элемент для выражения ее значения в целом. Но статус их в обоих языках не идентичен, что видно из различной квалификации тех и других лингвистами. Так, русские предлоги принято относить к категории служебных слов (связочных, по В.В. Виноградову [Виноградов 1972]), а послелоги в венгерских грамматиках обычно относят к разряду релятивных слов (*viszonyzó*) [Bencédy 1965], без подчеркивания их служебной, вспомогательной роли, которые выражают синтаксические отношения между словами. К.Е. Майтинская, правда, трактует послелоги как служебные слова [Майтинская 1955] – по-видимому, для того, чтобы они легче воспринимались русским читателем в проекции на более привычную для него русскую систему частей речи. Однако против подобной трактовки венгерских послелогов можно привести возражения.

Например, венгерские послелоги в массе своей способны принимать лично-притяжательные окончания, подобно существительным: *nélkülem*, *nélküled* (< *nélkül* «без») «без меня, без тебя» и т.д., ср.: *könyvem*, *könyved* (< *könyv* «книга») «моя/твоя книга». Далее, венгерские послелоги активно присоединяют качественный суффикс *-i*, образуя так наз. послеложное прилагательное [Шальга, с.

90; Майтинская, с. 278 и др.]: *a ház mögötti kert* (< *mögött* «за») «сад за домом», которому никак нельзя приписать в целой конструкции только роль служебного (вспомогательного) компонента, с функцией исключительно формообразующей. Более того, некоторые из послелогов могут быть мотивирующей базой для образования новых слов – глаголов и существительных – посредством различных суффиксов и префиксов: *nélkül* «без» → *nélkülözni* «нуждаться, терпеть лишения»; *alá* «под» → *megalázni* «унижать», *helyett* «вместо» → *helyettes* «замещающий», откуда затем, путем субстантивации, *заместитель* и др.

Данное обстоятельство является, на наш взгляд, решающим в функционально-языковой разнице между русскими предлогами и венгерскими послелогами; ибо словообразовательный механизм языка закономерно и логично «сконструирован» таким образом, что новые слова не образуются от лексически опустошенных мотивирующих – таких, как предлоги, союзы и т.п. (словообразование в сфере междометий и звукоподражаний в этом смысле исключение). Русские предлоги лишены возможности быть мотивирующей базой в словообразовании, в отличие от своих венгерских коррелятов; и потому логично заключить, что они хоть и близки послелогам функционально, но все же, в конечном итоге, не тождественны им.

Выводы. В обоих языках, русском и венгерском, предлоги и послелоги содействуют выражению в высказывании различных падежных значений и реляционных (синтаксических) отношений. Однако русский предлог выступает своего рода «семантическим обогатителем» предложно-именной группы и сопутствующим для падежных флексий средством, т.е. не имеет ранга конституирующего элемента в конструкции. Венгерский же послелог, наоборот, является конституирующей базой конструкций с существительными, альтернативным средством помимо окончаний, без которого невозможно выражение семантических отношений. Его функция в организации синтаксемы значимее по сравнению с предлогом. Разница между этими словами-реляторами в сопоставляемых языках, поэтому, не просто формально-позиционная, а функционально-содержательная.

Представляется, что венгерские послелоги находятся гораздо ближе к знаменательным частям речи, чем русские (или другие славянские) предлоги, несравненно дальше ушедшие по пути грамматикализации. Те и другие релятивные слова представляют собой разные единицы в разных языках, а не одну и ту же величину – «с противоположным знаком».

Примечания

¹ Противоположное мнение высказано в Академической Грамматике: «Установить в таком соединении отдельное от предлога значение падежа в большинстве случаев невозможно» [Русская грамматика 1980, с. 712].

² За исключением формы предложного падежа, которую В.А. Плуныян считает минимальной автономной единицей, в противоположность всем другим падежным формам [Plungyan 2000, с. 22].

³ В этой связи нелишне напомнить, что, например, Ю.С. Маслов прямо говорил, что «наряду с сегментными морфемами – частями слов – выделяются сегментные морфемы, функционирующие в качестве целого слова служебного (например, наши предлоги *к*, *на*, *при*, союзы *и*, *но* и т.д.)» [Маслов 1975, с. 164].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.А. Префиксация в русском и венгерском языках (внутриглагольное словообразование). Ужгород, 1998. 185 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. Москва: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога: конверсия. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 267.
4. Галактионова И.В. Предлог: препозиция и постпозиция. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 272–273.
5. Предлоги-последлоги? / Ю.Т. Долин. *Вестник ОГУ*, 2005. № 1. С. 86–88.
6. К вопросу о функционировании предлогов *вслед, навстречу, вдали* в языке А.С. Пушкина / М.Ф. Киямова. *Уч. зап. Казанского ун-та: Гуманитарные науки*. Казань, 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 173 – 184.
7. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. 228 с.
8. Крылов С.А., Муравенко Е.В. Последлоги в русском языке. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 278–279.
9. Лебедева Я.А. Актуализационная парадигма предлога. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 281.
10. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. Москва: Наука, 1982. 186 с.
11. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Т. I: Введение. Фонетика. Морфология. Москва: Изд-во АН СССР, 1955. 304 с.
12. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Т. II: Грамматическое словообразование. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. 226 с.
13. Маслов Ю.С. Введение в языковедение. Москва: Высшая школа, 1975. 328 с.
14. Мосеев А.И. Некоторые антиномии теории морфем. *Морфемика: Принципы и методы системного описания*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 118–127.
15. Муравенко Е.В. Последлоги в русском языке. Лингвистика для всех: Летняя лингвистическая школа 2007 и 2008. Москва: Московский центр непрерывного математического образования. 2009. С.228–233.
16. Плуниган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
17. Поцелуевский Е.А. Последлог. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: СЭ, 1990. С. 389.
18. Праславянские предлоги и последлоги. URL: www.proto-slavic.ru/psl-prepositions.html
19. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. Москва: Наука, 1980. 783 с.
20. Трахтенберг О.М. Приставки и их роль в глагольном управлении. *Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика)*. Челябинск, 1966. Вып. 1. С. 121–133.
21. Филиппенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор). *Исследования по семантике предлогов: Сб. статей*. Москва: Русские словари, 2000. С. 12–54.
22. Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка: В помощь преподавателям русского языка, обучающим венгерских студентов. Будапешт: Tankyon`vkiado. 152 с.
23. A névutói kifejezés. URL: www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop425/2011_0001_536_Magyar_Nyelv/ch05s05html
24. Bencédy J. stb. A mai magyar nyelv: I. Rész. Budapest: Tankönyvkiadó, 1965. 467 old.
25. Csernicskó I., Karmacs Z. Szófajtan és morfológia. Beregszász, 2008. 168 old.
26. Szamarasz V.Z. Az idő téri metaforái: a metaforák szerepe a feldolgozásban. Világosság. 2006. №№ 8–9–10. 99–109 old.
27. Tóth I.H. Közelebb a magyar nyelv határozóinak a megismeréséhez és kutatásához. URL: www.robertpejsa.cz/data/image/istvan/.../istvan_hatarozok.p.... 15 old.
28. URL: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terniny/poslelog/?q=486&n=1370
29. URL: www.solarix.ru/grammar/preposition.shtml
30. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672926
31. URL: www.nyelvora.com/magyar-nyelvtan/3-9-viszonzszok.html
32. URL: <https://hu.wikipedia.org/wiki/Névutó>

REFERENCES

1. Vinogradov A.A. (1998) Prefiksatsiya v russkom i vengerskom yazykah (vnutriglagol'noe slovoobrazovanie) [Prefixation in Russian and Hungarian languages (intra-verb derivation)]. Uzhgorod. 185 s. [in Russian].
2. Vinogradov V.V. (1972) Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove). Izd. 2-e [Russian language: grammatical doctrine of the word]. Moskva: Vysshaya shkola. 614 s. [in Russian].
3. Vinogradova E.N., Chekalina V.L. K voprosu o grammatike russkogo predloga: konversia [On the grammar of the Russian preposition: conversion]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. S. 267 [in Russian].
4. Galaktionova I.V. Predlog: prepozitsiya i postpozitsiya [Proposal: preposition and postposition]. URL:

www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf./10 pdf. S. 272 – 273. [in Russian].

5. Dolin Yu. T. (2005) Predlogi-poslelogi? [Prepositions-postpositions?] *Vestnik OGU*. № 1. S. 86–88. [in Russian].
6. Kiyamova M.F. (2015) K voprosu o funktsionirovanii predlogov *vsled, navstrechu, vdali* v yazyke A.S. Pushkina [To the question of the functioning of prepositions *after, towards, far* in the language of A.S. Pushkin]. *Uch. Zap. Kazanskogo un-ta: Gumanitarnyye nauki*. Kazan. T. 157. Kn. 5. S. 173–184. [in Russian].
7. Krongauz M.A. (1998) *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 228 s. [in Russian].
8. Kryilov S.A., Muravenko E.V. *Poslelogi v russkom yazyke*. [Postpositions in Russian]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf./10 pdf. S. 278–279 [in Russian].
9. Lebedeva Ya.A. Aktualizatsionnaya paradigma predloga [Preposition update paradigm]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf./10 pdf. S. 281 [in Russian].
10. Maytinskaya K.E. (1982) *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskih yazykah* [Service words in Finno-Ugric languages]. Moskva: Nauka. 186 s. [in Russian].
11. Maytinskaya K.E. (1955) *Vengerskiy yazyk. T. I: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya* [Hungarian. T. I: Introduction. Phonetics. Morphology]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 304 s. [in Russian].
12. Maytinskaya K.E. (1959) *Vengerskiy yazyk. T. II: Grammaticheskoye slovoobrazovaniye* [Hungarian. T. II: Grammatical derivation]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 226 s. [in Russian].
13. Maslov Yu.S. (1975) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moskva: Vysshaya shola. 328 s. [in Russian].
14. Moseev A.I. (1987) *Nekotorye antinomii teorii morfem* [Some antinomies of the theory of morphemes]. *Morfemika: Printsipy i metody sistemnogo opisaniya*. Leningrad: Izd-vo LGU. S. 118–127 [in Russian].
15. Muravenko E.V. (2009) *Poslelogi v russkom yazyke*. [Postpositions in Russian]. *Lingvistika dlya vseh: Letnyaya lingvisticheskaya shkola 2007 i 2008. V.: Moskovskiy tsentr nepreryivnogo matematicheskogo obrazovaniya*. S. 228–233 [in Russian].
16. Plungyan V.A. (2000) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the problem]. Moskva: Editorial URSS. 2000. 384 s. [in Russian].
17. Potseluevskiy E.A. (1990) *Poslelog* [Postpositon]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva*. Moskva: SE. S. 389 [in Russian].
18. *Praslavyanskyye predlogi i poslelogi* [Pre-Slavic prepositions and postpositions]. URL: www.proto-slavic.ru/psl-prepositions.html [in Russian].
19. *Russkaya grammatika* (1980) [Russian grammar] / Gl. red. N.Yu. Shvedova. T. I. Moskva: Nauka. 783 s. [in Russian].
20. Trahtenberg O.M. (1966) *Pristavki i ih rol' v glagol'nom upravlenii* [Prefixes and their role in verb management]. *Voprosy sovremennogo russkogo literanurnogo yazyka (grammaticheskii stroy i stilistika)*. Cheliabinsk. Vyip. 1. S. 121–33. [in Russian].
21. Filippenko M.V. (2000) *Problemyi opisaniya predlogov v sovremennykh lingvisticheskikh teoriyakh (obzor)* [Problems of describing prepositions in modern linguistic theories (review)]. *Issledovaniya po semantike predlogov: Sb. statey*. Moskva: Russkie slovari. S. 12– 54 [in Russian].
22. Shalga A. (1984) *Vengerskiy yazyk v zerkale russkogo yazyka* [Hungarian language in the mirror of the Russian language]: V pomoshch prepodavatel'nykh russkogo yazyka, obuchayushchim vengerskiykh studentov. Budapest: Tankonyvkiado. 152 s. [in Russian].
23. *A névutói kifejezés*. URL: www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop425/2011_0001_536_Magyar_Nyelv/ch05s05html [in Hungarian].
24. Bencédy J. stb. *A mai magyar nyelv: I. Rész*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1965. 467 old. [in Hungarian].
25. Csernicskó I., Karmacs Z. *Szófajtan és morfológia*. Beregszász, 2008. 168 old. [in Hungarian].
26. Szamarasz V.Z. *Az idő téri metaforái: a metaforák szerepe a feldolgozásban*. *Világosság*. 2006. №№ 8–9–10. 99–109 old. [in Hungarian].
27. Tóth I.H. *Közelebb a magyar nyelv határozóinak a megismeréséhez és kutatásához*. URL: www.robertpejsa.cz/data/image/istvan/.../istvan_hatarozok.p....15 old. [in Hungarian].
28. URL: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terniny/poslelog/?q=486&n=1370>
29. URL: <https://www.solarix.ru/grammar//preposition.shtml>
30. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672926>
31. URL: <https://www.nyelvora.com/magyar-nyelvtan/3-9-viszonyozok.html> [in Hungarian]
32. URL: <https://hu.wikipedia.org/wiki/Névutó> [in Hungarian].

HUNGARIAN POSTPOSITIONS AND RUSSIAN PREPOSITIONS – THE SAME PHENOMENON HAVING THE “OPPOSITE SIGN”? (Article 2)

Abstract. The paper finishes the analysis of the problem of correlation of the Hungarian (H.) postpositions and Russian (R.) prepositions, that had been carried out in the previous work (article 1) to establish the degree of their closeness. Author analyses the language-functional status of both of these relative words categories, caused by their morphologic-syntactical features, and states the following.

There is a content difference between H. postpositions and R. prepositions from the point of view of their role in constructions with nouns made by their means. In R. syntaxemes a noun in oblique-case forms has grammatical function of creator whereas a preposition has minor role, although it determines a case form of noun. The question of such a role-distribution as for Hungarian postpositions and nouns does not even arise, because H. postpositions usually do not demand definite case form from the noun, and that remains in absolute form. Syntactic connect between noun and postposition in H. therefore can't be named a government in full sense of the word. The role of the postposition in substantive syntaxeme organization is more important in comparison with the same role of R. preposition. Besides H. postpositions may function as a basis for making morphologic forms of word or creating new words, whereas R. prepositions have not such a possibility. So, according to the author, R. prepositions in the confrontation to H. postpositions seem for these reasons less autonomic function-language units, and H. postpositions are much nearer to the notional parts of speech than Russian (or another Slavic) prepositions.

Mentioned facts serve as an indisputable evidence of lacking the one-to-one correlation between these word-relators in both of the languages and confirm the final author's conclusion made in previous work: H. postpositions and R. prepositions are qualitatively different functional-semantic language units, and they are not the same being even if having the "opposite sign".

Keywords: Hungarian postpositions, Russian prepositions; positional, semantic and functional correlation, functional-semantic parallelism, cognitive linguistics.

Стаття надійшла до редакції 10 жовтня 2019 р.

© Виноградов А., 2019 р.

Анатолій Виноградов – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології і світової літератури Ужгородського національного університету, Ужгород, Україна; <https://orcid.org/0000-0002-7998-1838>

Anatoliy Vynohradov – Doctor of Philology, Professor of the Slavonic Philology and World Literature Department, Uzhhorod National University, Ukraine; <https://orcid.org/0000-0002-7998-1838>